

ПРЕСТУПНЫЕ
КАМНИ

Лучшие детективы о драгоценностях

Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ

Отпуск
на тот свет

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64   **Отпуск на тот свет : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Преступные камни. Лучшие детективы о драгоценностях).**

ISBN 978-5-04-094946-5

Алмаз необыкновенного красного цвета... Когда-то он хранился в спальне императора Павла I в Михайловском замке, но однажды исчез — чтобы всплыть через два с лишним столетия, в наши дни, у одного из пассажиров обычного рейсового самолета. Притом у его соседа по креслу в кармане, как оказалось, ампула со снотворным и дымовая шашка. Еще у двоих на борту — снаряженные парашюты. До начала регистрации никто из них не был знаком друг с другом... Но случайно ли они оказались на одном рейсе?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В.,
Литвинов С.В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094946-5

Памяти В. Г.

Пятница, 18 сентября. Вечер

Он тщательно задернул шторы. Надел перчатки. Аккуратно разложил на кухонном столе химикаты.

«Думал ли ты когда-нибудь, что на старости лет тебе придется изготавливать бомбу?»

Но ведь ты точно так же никогда не думал, что станешь поджидать человека в кустах у подъезда с обрезком свинцовой трубы в руках. Не думал, что схватишь его за горло, что...» Он тряхнул головой, прогоняя неприятные воспоминания.

«А могло тебе прийти в голову еще год назад, что ты по всем правилам оборудуешь наблюдательный пункт и будешь вести слежку? День за днем — с фотоаппаратом и блокнотом? Что будешь фиксировать привычки «объекта». Что станешь фотографировать и записывать всех, кто соприкасается с ним...

А думал ли ты — ты, никогда не имевший и не имеющий ни малейшего отношения к каким бы то ни было спецслужбам, — что будешь про-

водить настоящую вербовочную операцию? Что войдешь в доверие к человеку? Будешь называть себя его другом? Станешь подпаивать его? Глушить пентоталом? Выдавливать из него информацию?..

Но ты сделал все это.

Так что бомба — вполне логичное продолжение этому. Тот самый последний мазок, что венчает картину.

Будем надеяться, картина выйдет удачной».

Суббота, 19 сентября. Утро

ТАНЯ

Она выскользнула из-под простыни и с удовольствием оглядела себя в зеркале. Спала Таня всегда голой (все эти ночнушки, пижамки — на фиг, на фиг!), и поэтому зеркало услужливо отразило высокую грудь, длинные ноги и плоский живот с недавней татуировкой — маленьким паучком. Плюс к тому русые волосы, рассыпавшиеся по плечам, чуть вздернутый носик, пухлые губы — было в ее внешности что-то англосаксонское. Нет, она даже гораздо лучше любой англоили просто саксонки. Таня была настоящей русской красавицей.

Она потянулась, улыбаясь самой себе. Прелесть! Есть от чего забалдеть любому мужику.

И они балдели.

Вебер дрых на широкой гостиничной кровати. Утомился старичок прощальными игрищами. Он чуть посапывал, натянув шелковую простыню до носа.

Таня подошла к окну и выглянула из-за толстой портьеры. Их гостиница «Плаза» стояла близ Вацлавской площади. Прага по-осеннему золотела за окном. Голуби и туристы неспешно паслись на площади.

«До свидания, Прага! До свидания, милый Вебер! Меня ждут великие дела!»

...В этом году она взяла настоящий отпуск — на целый месяц. Чтобы и отдохнуть могла как следует, и было что вспомнить...

Первые две недели просидела паинькой вместе с Вебером в Чехии, в Карловых Варах. Расслабилась, разругянилась и поправилась на два килограмма. Было, конечно, неплохо, но наконец-то эта расслабуха кончилась!

Две унылые отпускные недели позади. Теперь начинается *лихая* часть отпуска. Право слово, лихая жизнь Тане нравилась больше.

Она вспомнила *катастрофически спокойный* чешский городок.

Прилизанные улицы. Отдыхающие в спортивных костюмах. Каждый вечер они прогуливаются по набережной с кружками минералки. Похоже,

что почти все — из России, причем из такой глухомани, куда три дня на джипе скачи — не доскачешь. Разговоры сводятся в основном к физиологическим темам.

— Ну, как вы сегодня? — со значением спрашивает во время променада одна дама другую.

— Вы знаете, — ее подруга полна радостного возбуждения, она почти кричит, — у меня сегодня утром был нормальный стул!

Ну и тощица!

Ее друг Вебер был не чета тоскливым русским. Особенно в постели.

Любой врач знает толк в сексе. А если он к тому же еще сексопатолог с пятнадцатилетним стажем... Постояльцы «Дома Павлова» не раз вздрагивали от Таниных ночных воплей.

Плюс к тому — у Вебера никаких проблем с деньгами. Жили они в «Доме Павлова» — лучшем отеле, ужинали в «Бристоле» и «Пупе», ездили на взятой напрокат «BMW Z3» — обалденной машине с открытым верхом. У Джеймса Бонда в «Золотом глазе» была такая же! Эх, и полетала же Таня по горным дорогам, входя в закрытый поворот на скорости 150 километров! Вебер только глаза зажмуривал. А после гонок по серпантину они загоняли «Z3» в лес, а то прямо на обочине, не выходя из машины, занимались секс-разминкой.

Жаль только, что кормил ее Вебер на свой «язвенный» вкус — выбирая одни лишь отворачи-

тельные пресные блюда. И никакого вина — позволялось лишь рюмку «Бехеровки» по субботам. При нем даже сигаретку выкурить было невозможно — сразу начинал зудеть, что сигареты провоцируют проблемы со здоровьем.

Нет, пора все-таки кончать с этим немцем. Сорокалетний вдовец-язвенник с двумя детьми — не самый лучший вариант. Даже если у него марок куры не клюют. Таня считала, что она достойна лучшей участи.

В свои двадцать пять Таня и сама, без всяких Веберов, добилась многого. Окончила с отличием психологический факультет МГУ. Поступила в аспирантуру. А одновременно строила карьеру. Начинала еще студенткой — работала менеджером в рекламном агентстве, потом получила ту же должность, но в агентстве покруче, потом потихоньку пробилась в небольшие начальники... А три года назад ее пригласили в российское представительство большой американской компании. Тут и началась бешеная жизнь. Пахали по семьдесят часов в неделю — как на плантации.

Ясный пень, после такой каторги нужен полноценный отдых. И пятизвездочный санаторий в Карловых Варах — только первый тур. Второй тур будет куда занимательнее.

Таня с удовольствием представила, как ее коллеги хвастаются:

«Я занимался дайвингом в Шарм-эль-Шейхе...»

«Я в Амстердаме курил травку в кафе-шопе...»

«Я обошел все музеи Лондона...»

«Это все, конечно, здорово, ребятки. Но уж туда, куда поеду я, вас точно не занесет никаким ветром».

ИГОРЬ

Больше всего на свете Игорь любил играть.

В тот день он встал по обыкновению поздно. Впрочем, «поздно» — не то слово. Если все человечество делилось на «жаворонков» и «сов», то Игорь был суперсова, экстра-сова, настоящий Сова Филинович.

Свое ложе он покинул в тот час, когда поезда метро стали заполняться людьми, клюющими носом по дороге домой после окончания рабочей смены. Впрочем, о рабочих сменах, равно как и о метро, Игорь в свои тридцать один знал лишь умозрительно. Всю жизнь он провел в атмосфере довольства и роскоши. В ней не было места общественному транспорту и пахоте за-ради куска хлеба.

Первую половину жизни комфорт и блага ему обеспечивали родители. Папа Игоря был блистательным математиком. В эпоху, когда отсутствовали персональные компьютеры, Игорев папаша был для Советской страны чем-то вроде супер-ЭВМ. С той, однако, разницей, что он мог сам

формулировать задачи для себя. И еще — при их решении проявлять то качество, коего напрочь лишена машина и которое называется в искусствах «вдохновением», а в науках — «интуицией».

Способности отца по достоинству оценила отчизна. Уже одни только премии — Ленинская плюс три Государственные — могли обеспечить подрастающего Игорька так, что он ни в чем не знал недостатка или отказа. А батяня являлся к тому ж академиком, Героем Социалистического Труда и депутатом Верховного Совета трех созывов. А все это, вместе взятое, означало во времена социализма пятикомнатную квартиру в «генеральском» доме-утиге на Соколе, домработницу, дачу в Серебряном Бору, садовника, кухарку. Плюс персональную черную «Волгу», которая ежеутренне заезжала за бодрым, румяным и всегда, казалось, веселым академиком.

К академическому комплексу прибавлялось снабжение из распределителя — мамане (доктору химических наук, между прочим) никогда не доводилось всплахиваться на крик соседки: «Полукопченую выкинули!» К тому же папаня постоянно ездил за кордон — на конгрессы, симпозиумы, семинары... Вполне понятно, что Игорь в самом деле с молодых ногтей ну ни в чем не нуждался.

Папа отвечал на заботу партии и правительства остроумнейшими подходами к расчету тра-

екторий спутников и баллистических ракет. Игорь же заботу, которой его окружала семья, в свою очередь оправдывал блистательной, восхитительной учебой.

В восемь лет он в уме извлекал квадратные корни из четырехзначных чисел. У него была феноменальная память. Любую книгу, будь то даже поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» или таблицы Брадиса, он мог цитировать наизусть, начиная с любой страницы. В десять лет прочитал семь томов Большой Советской Энциклопедии и помнил из прочитанного все, вплоть до американского биохимика Элкана Блоута и Велижа, города в Смоленской области (9 тысяч жителей, пристань на реке Западная Двина).

Но дальше первых семи томов Игоряша не продвинулся. Читать энциклопедию стало ему скучно. Как быстро наскучивало и все остальное.

Надо сказать, что, если бы академик-папа обладал хотя бы половиной способностей своего сына, Нобелевская премия была бы у него в кармане. Ее, эту премию из рук шведского короля, Игоряше кто в шутку, а кто и всерьез в детстве прочил. И, наверно, не зря. Но...

Игорь был ленив. Ленив катастрофически, фантастически, феерически. Ему, в сущности, при его способностях и окружении, даже и не требовалось никогда ни к чему прилагать усилий. Хочешь икорочки черненькой? На тебе икорочку.

Джинсы «Ливайс»? Папа привезет три пары: одну парадную, другую для школы, третью для двора. Машину? На семнадцатилетие Игоряша получил новенькую «восьмерку».

Естественно, Игорь с золотой медалью окончил среднюю школу и без труда поступил в школу высшую. Выбрал Игоряша мехмат МГУ. И тут, в сентябре 1985-го, буквально в один день произошли три события, предопределившие его дальнейшую судьбу.

Сначала однокурсники затащили его в пивную — знаменитую в ту пору «Яму» на углу Пушкинской и Столешникова. До того вкуса пива, как и другого алкоголя, целомудренный Игорь не знал. Обстановка пивной со сводчатыми потолками и неумолчным пьяным гулом, как и само пиво, Игорю не понравилась. Не понравился и последовавший за пивом сладкий портвейн «Кавказ». Категорически не понравилось ему также состояние опьянения. (И впоследствии всю свою жизнь наш герой никогда — ни в день рождения, ни на чьих-нибудь поминках, ни даже в Новый год — не притрагивался к спиртному.)

После портвейна однокурсники затащили ничего не соображавшего Игоря в общагу. Смутно помнились такси, лифт, дымная комната...

Очнулся он в полной темноте от громких и сиплых звуков. Раскалывалась голова. Он разлепил глаза и обнаружил себя лежащим навзничь.

Верхом на нем сидела большая женщина и совершала возвратно-поступательные движения. Ее огромные груди мотались перед Игорьковым носом. Кроме напряжения внизу живота, Игорь, обесчувствованный алкоголем, не ощущал ничего. Женщина трудилась вовсю и ритмично стояла. Ее огромный живот хлопал по его животу. К Игорю постепенно возвращалось сознание, и он понял, что происходит то, о чем он года четыре мечтал в тишине своей комнаты на Соколе, — его лишают невинности. Ни радости, ни сладости он от этого не испытывал.

Наконец женщина исторгла хриплый вопль победы и повалилась головой Игорю на грудь. Он по-прежнему не чувствовал ничего. «Ах ты, мой бедненький малышечка», — жарко прошептала она и стала лизать ему сосок. И тут он наконец кончил. Это было похоже на какой-то пшик — просто наступило облегчение, будто бы он помочился. Реальный опыт не шел ни в какое сравнение с тем идеальным, который он приобретал в одиночку в собственной комнате, сжимая свой член и вызывая в уме образы полураздетых одноклассниц.

Женщина навалилась на него. Тело ее обмякло. Через минуту она уже спала, чуть всхрапывая. Общежитская койка была узка даже ей одной, поэтому Игорь выкарабкался из-под нее и стал разыскивать в темноте разбросанную по всему

полу одежду. Только сейчас он заметил, что на соседней койке тоже кто-то возится и стонет. Он выскочил из комнаты, так и не найдя носки и майку.

Феноменальная память в этот раз изменила ему, и он так и не мог вспомнить впоследствии, ни как звали эту женщину, ни как она выглядела, ни в какой комнате происходило сие действие.

Но ночь продолжалась. Противоударные водонепроницаемые часы «Сейко» на запястье (подарок папани) показывали половину третьего, ехать домой на Сокол не было денег. Посему он зашел в комнату, где жили его новоявленные друзья — тоже первокурсники, как и он.

В комнате было дымно. Сокурсники-субу-тыльники, почти протрезвевшие и мрачные, играли в карты. Игоря поприветствовали вяло.

Он жадно выпил воды прямо из носика чайника и присел на ручку единственного в комнате кресла наблюдать за игрой. До того девственник Игорь ни в какие карточные игры, даже в дурака, не играл: карты в сознании родителей были таким же символом разврата, как папиросы и дурные женщины.

Игра, в которую резались друзья, называлась преферансом. К концу пульки Игорь, внимательно следивший за событиями, уже понимал ее механизм. Когда подсчитали результат, он попросился играть в следующей партии четвертым.